

волизировало чудодейственную силу «Матери-Покрова» («Мать-Покров! Покрой землю снежком, меня молоду платком», «Покров-богородица! Покрой меня, девушку, пеленой своей нетленной — иди на чужую сторону»). В славянском языческом ритуале, в почитании Матери — сырой земли, плат (или полотенце) имел большое значение. Чудесный плат в русских народных сказках спасает в трудную минуту своего владельца. Е. С. Медведева, вслед за А. Афанасьевым, видела зависимость оформления Покровского культа от образов сказочно-заклинательного фольклора о Заре-зарянице, деве Заре с ее чудесной фатой-зарей, защищающей от болезней, от смерти на войне и т. п. Само приурочение праздника Покрова к 1 октября, когда земледелец собрал плоды своих трудов, когда его жизнь озарялась коротким изобилием, также говорит о приурочении нового культа к сельскохозяйственному календарю, а может быть, и к времени традиционных языческих праздников¹²⁹.

Однако едва ли правильно на основании этих наблюдений заключать о «народности» праздника Покрова, как это делает Е. С. Медведева.

Как в «Сказании о чудесах Владимирской иконы», так и здесь мы имеем дело с сознательным литературным приемом владимирских витий, стремившихся достичь наибольшей действенности своих сочинений, нарочито «демократизировавших» отвлеченные идеи. Той же цели служит и подчеркнутую жизнерадостный, оптимистический стиль «Службы», который обволакивал сияющим ореолом идею «равенства» князя и его подданных-«крестیان» перед лицом божества, усиливал действенность пропаганды гражданского мира, единства интересов господ и подданных, способствовал созданию картины их патриархального единодушия, действовал в том же направлении, что и «Сказание о чудесах Владимирской иконы». Рост феодального гнета, насилия и произвол местной княжеской администрации и алчных мелких землевладельцев делали жизнь народных масс все более тяжелой. Церковники «из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом»¹³⁰. Низы города и деревни, бессильные перед растущим социальным гнетом, искали утешения в религии — в том, что, беззащитные на земле, они имеют могущественную заступницу на небе. Владимирские писатели всеми силами своего таланта упрочивали эту веру и, нужно признать, достигли своей цели: культ богородицы послужил сплочению народных сил в борьбе за приоритет Владимирской земли в XII в., а культ Покрова стал одним из наиболее популярных народных верований.

Другой — и не менее важной — своей стороной создание культа Владимирской иконы и «самочинное» установление нового праздника Покрова было обращено против византийской «игемонии». Оно резко нарушало церковную субординацию: престиж греческого ставленника — киевского митрополита — и самого византийского патриарха был дерзко подорван. Вспомним, что послание патриарха Луки Хризверга князю Андрею по делу церковной самостоятельности Владимирской земли кипело плохо скрытой яростью и угрозой. Их причиной был не только вопрос об автокефалии, но и смелые шаги владимирских владык князя Андрея и «ложного епископа» Федора в создании местного «национального» культа богородицы. Он повышал авторитет Владимирского княжества и владимирской династии на Руси. Русский владимирский культ богородицы противостоял греческому константинопольскому. «Земная» политическая борьба втягивала в свой бурный поток и «небожителей».

¹²⁹ Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 60—74; А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, стр. 85—86, 114—121, 221—239, 273—274, 287, 363, 491, 540, 552, 649.

¹³⁰ В. И. Ленин. К деревенской бедноте. Полное собр. соч., т. 7, стр. 194.